

Дорогая Мария Елена,

Мадрид, январь 2010

Когда я начал писать это письмо, я осознал, что не совсем понимаю, как обратиться к вам. Протокол диктует, что обращаться к личности подобного масштаба стоит с реверансом, но понимание того, как сильно мы, артисты, боремся с формальностями, пугало меня тем, что следование шаблонам может показаться холодным и дистанцированным. Как раз тогда я вспомнил, как мы встретились в 1999 году на вручении премии Аргентинского Общества Музыкальных Авторов и Композиторов, премии, которую мне вручали вы и Ариель Рамирез, тогда я отправился на поиск фотографий с этого мероприятия. То, что мне удалось найти, эти фотографии, "натюрморт" нашего существования, напомнили мне, какой нежной была наша встреча. Исходя из этого, я принял решение, что использование более фамильярного тона с вами не может быть слишком плохим решением, что ж, приступим... Если поступив так я совершил ошибку, прошу простить меня, не стесняйтесь поставить меня на место своим ответом.

Итак, пришло время начать расследование, как доставить письмо вам. Я послал сигнал СОС своим контактам в Аргентине и выяснил, что вас поместили в больницу. Не знаю, правильно ли я понял ситуацию, прошу прощения, если я ошибся, но ребенок внутри меня опустошен тем фактом, что "Reina Batata" может быть нездорова. Я надеюсь, что ваше пребывание в больнице только временно и что вы скоро возвратитесь домой.

К делу: в 1999 году, через пару дней после церемонии, продюсеры из Гарсия Ферре вызвали меня с целью узнать, заинтересован ли я в том, чтобы записать вашу песню "Manuelita" для фильма, который к тому времени был близок к завершению производства. Я отправился на звукозаписывающую студию и записал свою часть, как меня просили, но, в конечном счете, в качестве альтернативы был выбран женский голос, потому как, по всей видимости, он был более подходящим для детского сознания. Я вспомнил ваши слова, когда вы дали мне книги с вашими песнями на церемонии и да, меня тоже удивляет, что подавляющее большинство песен для детей исполняются женщинами. Вот почему, начиная с этой анекдотичной ситуации с людьми из Гарсия Ферре и до сих пор, меня преследовала одержимость воплотить вашу мечту в реальность: записать эти детские песни, но голосом отца. И мне это удалось: я пишу вам это письмо, чтобы сообщить, что я завершил запись 32 ваших "маленьких сокровищ" несколько недель назад.

Когда я погрузился в изучение партитур (чего я раньше не делал, учитывая, что мы передавали ваши песни от одного поколения к другому исключительно на слух), я узнал, что, например, "Manuelita" – это хабанера, а не а не баллада: она настолько прекраснее, когда исполняется в этом чувственном ритме! Я также открыл для себя, что "Canción del estornudo", "La familia polilal" или "Perro salchicha show" являются музыкальным театром в его чистейшем проявлении- и так относительно всех ваших песен. Я сказал моему пианисту Джулио, что если нам не будет весело, то тогда не будет весело и детям при прослушивании, а если мы сами не будем плакать (вы не представляете, как тяжело мне было записывать "La rájara Pinta", чтобы мой голос не срывался), то и дети плакать не станут. Вот как это было и как мы это сотворили – плача и смеясь, получилось прекрасно. Я выбрал для исполнения довольно низкие тональности с тем, чтобы теплота глубокого голоса смогла, возможно, послать определенные вибрации в душу ребенка, который его слушает. Мы также упростили оркестровку до самой сути- до фортепиано, как в оригинальных партитурах песен. Просто невероятно, как вы фокусируетесь на чистоте слов и сладости мелодии, когда ничто лишнее не отвлекает! Сейчас мы находимся в деликатном процессе превращения этого прекрасного записанного материала в продукт (извините за использование такого ужасного слова), который сможет затронуть современных детей, так закаленных всякой электроникой, с той же силой, с которой много лет назад был тронут я и все мое поколение. Кстати, спасибо вам за это, за то, что нянчили нас.

Я не уверен, когда мы сможем представить нашу работу публике, я не тороплюсь, мне понадобилось много лет, чтобы этот проект созрел, но мне хотелось бы, чтобы вы знали о его существовании с моей благодарностью и любовью.

С восхищением,
Хосе Кура

Примечание: мы закончили редактировать и сводить песни в 2011 году. Марии Елены не стало в январе того же года. Мне не довелось увидеть, как она получает письмо или записи. Эту печаль излечит только понимание мною того, сколько детей в возрасте от нуля до ста лет будут наслаждаться этими записями, которые я так люблю.